

И. З. СЕРМАН

«Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в.

Вопрос о связях русской поэзии XVIII века с русской поэзией второй половины XVII в. ставится не впервые. Ему посвящено несколько работ,¹ в которых есть верные суждения и ценные наблюдения. Попутные замечания о существовании литературной преемственности двух веков можно найти и в общих курсах истории русской литературы XVIII в., и в коллективных трудах.² И все же мы еще очень далеки от какого-либо ясного, научно обоснованного ответа на этот вопрос, и даже не определены пути и подходы к его решению. Очевидно, помочь здесь может только конкретно-историческое изучение отдельных линий литературных связей.

Одна из наиболее очевидных литературных традиций XVIII века, уходящих своим началом во вторую половину XVII в. — это традиция стихотворного, поэтического перевода или, как говорили в XVIII в., «переложения» библейских псалмов. От Симеона Полоцкого через все XVIII столетие до поэтов-декабристов и Пушкина тянется эта очень устойчивая традиция поэтической переработки и переосмысления «Псалтыри».

Изучение этой линии связей между литературой второй половины XVIII в. и литературой следующего столетия имеет и более общее значение; такое изучение может помочь установить общие закономерности историко-литературного процесса двух смежных эпох, понять, как внутри определенной традиции, под влиянием исторических сдвигов (особенно эпохи реформ Петра I) возникали новые литературные явления, знаменовавшие собой появление новых идей и отражение новых сторон исторической действительности.

Для русской литературы и русской общественной жизни 1670-х годов намерение Симеона Полоцкого переложить стихами «Псалтырь» было смелым, поистине новаторским шагом. Об этом можно судить и по тем объяснениям и оговоркам, которые Полоцкий предпослал своей «Псалтыри рифмотворной» (1680 г.), а также по тем враждебным выступлениям, какие последовали со стороны его идеологических противников уже после выхода книги переложений из печати.

«Псалтыри рифмотворной» предшествуют три предисловия автора: первое — стихотворное обращение, адресованное царю Федору Алексе-

¹ А. И. Соболевский. Когда начался у нас ложноклассицизм? — Библиограф. СПб., 1890, № 1, стр. 1—6; В. Н. Мочульский. Отношение южно-русской схоластики XVII века к ложноклассицизму XVIII века. — ЖМНП. СПб., 1904, № 8, стр. 361—379; О. Покотилова. Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII-го и начала XVIII-го столетия. — В кн.: М. В. Ломоносов. Сборник статей, под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1911, стр. 66—92; Е. А. Касаткина. Торжественная ода XVIII в. и древнерусская устнопоэтическая литературная традиция. — В кн.: Ученые записки Томского государственного педагогического института. Гомск, 1946, т. III (Серия гуманитарных наук), стр. 95—123.

² См. особенно в статье А. И. Белецкого «На рубеже новой литературной эпохи» (в кн.: История русской литературы, т. III. М.—Л., 1941, стр. 3—24).